

В лучах Рудных гор Саксонии

В начале апреля 1954 г. я окончил Старооскольский геологоразведочный техникум и получил диплом, где в графе “присвоена квалификация” вписано: “техник – геологоразведчик”. В период написания дипломной работы двадцать двух студентов, в том числе и меня, не объяснив для каких целей, направили на медицинскую комиссию.

А.Натаров, студент Старооскольского ГРТ, 1951

В отделе кадров выдали бланки анкет с множеством вопросов, на которые без помощи преподавателей было трудно ответить. Когда инспектор отдела кадров прочитал, что я во время войны полтора года жил на оккупированной немцами территории, спросил у меня, с кем я в этот период жил и где был мой отец. Я ему рассказал, что отец был на фронте, а мы с мамой жили в деревне, расположенной в 5 км от железнодорожной станции Поныри и находились в этом районе во время битвы на Курской дуге.

“Компетентные органы“, проверив, вероятно, мои анкетные данные, убедились, что, в это время мне было всего 8-10 лет, я не учился в школе, у меня нет родственников за границей, не был интернирован, а безграмотные крестьяне дедушка с бабушкой похоронены на местном кладбище.

После месячного отпуска, проведенного в деревне, я приехал в техникум и узнал, что на меня и моих сокурсников : П. Дюльдева, Н. Бородина, Е. Долотцева, Е. Кондаурова, В. Митрофанова, В. Кадулина и В. Дмитриева оформлены документы на командировку в Германию и назвали адрес и число приезда в Москву.

Двубортный костюм и рубль на память ...

В первых числах июня я приехал в столицу, нашел дом, в котором располагалось Главное управление советским имуществом за границей (ГУСИМЗ), где мне и моему товарищу Е.Кондаурову сообщили, что нас направляют на работу в А.О. «Висмут» (ГДР), но надо пройти еще собеседование в одном из отделов ЦК КПСС.

За день до отъезда молодой сотрудник этого управления привел нас в магазин «Людмила» и предложил примерить двубортные темно-серого цвета костюмы, белые рубашки и галстуки. Из магазина мы вышли с большими свертками. В этот же день нам выдали билеты на поезд «Москва – Франкфурт-на-Одере».

Детали поездки до Бреста я не помню, но пограничный контроль с улыбкой вспоминаю до сих пор.

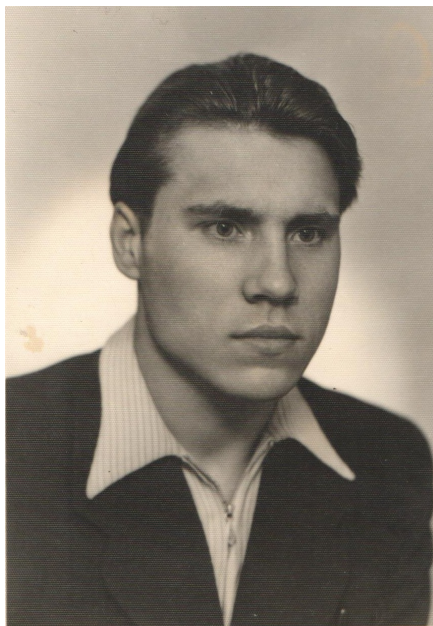
При проверке документов на посту таможенного контроля один из пограничников, глядя пристально мне в глаза, спросил: «Деньги везешь?». Я ответил, что везу и достал дрожащей рукой из нагрудного кармана костюма один рубль. Он улыбнулся и сказал: «Вези на память!».

Такой же вопрос был задан стоящему за мной мужчине, увидев, что у него в кошельке имеются советские деньги. Он быстро пересчитал их и потребовал на эту сумму купить продукты и чеки показать ему.

На перроне вокзала г. Франкфурт - на - Одере меня и моего товарища встретил молодой человек, который на машине отвез в гостиницу. На следующий день на этой же машине мы доехали до Карл-Маркс-Штадта. Во время поездки по широкому автобану я обратил внимание на фруктовые деревья, посаженные на разделительных полосах проезжих частей дорог, а также на поток велосипедов, на которых в потертых кожаных шортах ехали даже пожилые женщины.

Металл номер один

После краткой беседы в отделе кадров А.О. «Висмут» меня на автомашине привезли в г. Ауэ. Услышав название этого города, я сразу вспомнил мою бабушку, которая в детстве пугала нас злым дедом Аукой, который, по ее словам, жил в лесу и крапивой наказывал непослушных детей.

А.Г.Натаров, Ауэ, 1954

Меня поселили в небольшом двухэтажном домике с фруктовым садом во дворе. Я обрадовался, что буду жить в одной квартире с моим товарищем по учебе в техникуме Юрой Зубковым, который уже год работал геологом на одной из шахт. От него я узнал, что слово “уран” здесь произносить запрещено, а надо говорить : “металл номер один” или “висмут”. Он также рассказал, что в прошлом году во многих городах ГДР проходили протестные демонстрации и митинги, и они могут повториться и в этом году. На всякий случай, Юра поставил у окна малокалиберную винтовку. Позже я узнал, что эти волнения начались 17 июня 1953 г. в Берлине и охватили 270 населенных пунктов Восточной Германии.

Целебные источники ...

Главным геологом объекта № 9 в это время был А.В. Дьяконов, а начальником камеральной партии, куда меня зачислили на работу, – В.П. Колесова. В это время группа сотрудников готовила отчет о работах за пять минувших лет на месторождениях рудного поля Нидершлема – Альберода.

Примерно через неделю А.В.Дьяконов пригласил меня в поездку по району работ. Из его рассказа я узнал, что АО “Висмут” является одним из крупнейших в мире уранодобывающих предприятий, которое работает не только в Рудных горах Саксонии, но и в Восточной Тюрингии.

Оставив машину на каменистой дороге, мы поднялись на невысокую гору и перед нами открылась панорама гигантских терриконов, которые мне напоминали в общих чертах египетские пирамиды.

Из рассказа Альберта Валерьевича я узнал, что до войны в этом районе было несколько целебных радоновых источников мирового значения, куда приезжали на лечение многие известные люди, в том числе и А.М.Горький. В связи с началом

поисковых и разведочных работ курорт Обершлема в август 1946 г. был закрыт. Он мне показал место, где стояло красивое здание отеля, под фундаментом которого при его сносе были обнаружены богатые урановые руды.

Об этом мне рассказывал также Н.Н.Биндеман, с которым я много лет работал в одном отделе ЦНИГРИ. Николай Николаевич в этом районе работал в 1953 г. и опубликовал в 2003г. статью “Уран для первой советской бомбы...”, в которой писал : « При сносе зданий, просевших в результате отработки недр, я своими глазами видел, что фундаменты многих из них покоились на зачищенных ураноносных жилах ».

Импрессионисты и чардаш Монти

Примерно через два месяца после моего приезда в Ауэ Юру Зубкова за какие - то ”провинности” отправили в Союз и я остался в этой уютной квартире один. В магазине купил набор хороших масляных красок и пытался копировать из журналов “Огонек” репродукции картин русских и зарубежных художников.

Рядом с моей комнатой жили молодые геофизики Лев Музюкин и Анатолий Мулик. Лев иногда приходил ко мне и , увидев плоды моего “творчества” , начинал говорить о французских импрессионистах, русских авангардистах , о которых у меня в это время были самые смутные представления и его критические замечания мне приходилось терпеливо выслушивать.

За мольбертом, ГДР, 1956

Мне больше нравилось общаться с добрым, интеллигентным Анатолием , который хорошо играл на мандолине и в выходные дни подолгу по нотам разучивал классические музыкальные произведения, в том числе и венгерский танец - чардаш Монти.

А. Мулик (слева) , И..Вяткин , Ауэ, 1954

Техник - геолог, инженер- картограф...

В камеральной партии я работал около семи месяцев – с июня по декабрь 1954 г. в должности техника-геолога, инженера-картографа .

В мои обязанности входила подготовка с картографами и чертежниками графических материалов к отчету: геологических карт и разрезов, различных схем, графиков, таблиц...

В начале каждого рабочего дня из первого отдела я приносил в нашу рабочую комнату тяжелую папку секретных материалов. При их получении и сдаче начальник этого отдела П.М.Глухов постоянно делал мне замечания, давал читать инструкции, наставления и подписывать какие-то бумаги о неразглашении секретных сведений и т.д. Иногда он подходил к моему рабочему столу , что-то искал в ящиках и , если находил на листе бумаги мои “каракули”, требовал объяснить написанное.

Об одном курьезном случае, который произошел с педантичным работником спецотдела, мне рассказали сотрудники нашей камеральной группы., Однажды Глухов пошел в котельную, чтобы сжечь в печке секретные документы. Когда он бросил их в топку, поток воздуха мгновенно через высокую трубу выбросил их в атмосферу и обугленные бумаги закружились над территорией, огороженной бетонным забором. Узнав об этом, я от души смеялся, представляя, как мой “воспитатель” бегал по двору и собирал падающую с неба секретную “кашу манную”.

Мне всегда было приятно общаться с главным маркшейдером объекта В. К. Каузовым. Когда я приходил в его кабинет, Виталий Константинович, внимательно выслушав меня, бережно вынимал из большой папки маркшейдерские планшеты (листы ватмана) и показывал на них интересующие меня подземные горные

выработки, скважины и т.д. Казалось, что в этой папке хранятся не планы шахтных горизонтов, а гравюры великих художников: каждая линия, каждое написанное слово у меня вызывало восхищение.

Мне запомнился его рассказ о случае, свидетелем которого он был во время учебы в Ленинградском горном институте. По его словам, группу студентов маркшейдерского факультета привели на показательный суд над известным ленинградским маркшейдером. Ему инкриминировали “умышленное вредительство”, приведшее на одном подземном руднике к нестыковке двух горизонтальных горных выработок.

Когда обвиняемому было предоставлено слово, он предъявил суду книгу известного математика В.М. Брадиса “Четырехзначные математические таблицы”, которыми пользуются в качестве справочника многие годы маркшейдеры и топографы при камеральной обработке инструментальных наблюдений. Находясь несколько месяцев под следствием, опытный маркшейдер вручную пересчитал табличные данные и обнаружил на одной из страниц ошибку автора, которая, по утверждению подсудимого, была главной причиной нестыковки горных выработок.

В результате проверки этих данных дело о “вредительской деятельности” маркшейдера было пересмотрено и он, по словам В. Каузова, был реабилитирован.

В начале декабря 1954 г. первый вариант отчета был завершен и наша небольшая группа выехала в Карл-Маркс-Штадт для представления этого труда рецензентам и руководству О.А. “Висмут”.

Напряженная работа по устранению замечаний продолжалась до конца года. В это время к приезду в ГДР Советской Правительственной делегации о главе с В.М.Молотовым нашу группу подключили к подготовке большого красочного альбома о работе АО “Висмут”. По одним сведениям, подарочный экземпляр альбома в новом году был вручен В.М.Молотову, а по другим – Н.С.Потоличеву.

Текст отчета с графическими приложениями я увидел, когда сотрудники первого отдела несли его в “секретную” комнату. У меня было желание взглянуть хотя бы на первую страницу этого труда, но их начальник не разрешил приблизиться к нему, как говорится, даже “на пушечный выстрел”.

О моем участии в этой работе напоминает лаконичная запись в трудовой книжке: “*Благодарность за активное участие в подсчете запасов и оформление материалов отчета (Пр.0267 от 27.V.55)*”, а также составленный нами геологический разрез рудного поля Нидершлема-Альберода, который опубликован в книге Ю.М. Дымкова “Урановая минерализация Рудных гор” (1960).

Истина в «Правде» !

Однажды я сидел за столом своей уютной комнаты и рассматривал журнал “Огонек” с репродукциями картин известных русских художников. Неожиданно вошел парторг объекта Г.Г. Стогов и, увидев на столе журнал, спросил: « А ты

читаешь центральные газеты и в первую очередь передовые статьи “Правды”?». Я ответил, что читаю в основном два журнала - “Огонек” и “Наука и жизнь”.

Парторг долго объяснял мне роль передовых статей “Правда” в повышении политического уровня молодежи, цитируя при этом какие-то мудрые изречения М.И.Калинина. О нашем разговоре партийный босс сообщил секретарю комсомольской организации, который на общем собрании упрекнул меня и других моих товарищей в нежелании читать передовые статьи центральных газет. Вскоре меня записали слушателем вечернего Университета марксизма – ленинизма, первый курс которого я закончил до отъезда в Йоганнсбург.

Здесь идут проливные дожди...

Летом 1954 г. в Ауэ несколько дней шли проливные дожди и река Мульда вышла из берегов и превратилась в бурный ревущий поток, несущий ящики, бревна, автомобильные покрышки. Около металлических опор моста образовался большой затор и он лихорадочно дрожал, а на асфальте в проезжей части зияла поперечная трещина. Вечером немецкие рабочие одну часть моста привязали к толстым липам стальными тросами, но ночью водная стихия вместе с деревьями ее оторвала от этого места и стащила вниз по течению на несколько десятков метров.

В один из дождливых дней минералог камеральной партии В. Иванова попросила меня упаковать образцы урановых руд для отправки Р.В. Гецевой - автору известной книги “Руководство по определению урановых минералов” (1956). Радиоактивные камни находились на чердаке административного здания нашего объекта.

Я поднялся на захламленный чердак, быстро переложил из картонной коробки в деревянный ящик эти образцы руд и подошел к окну, чтобы взглянуть с “птичьего полета” на город и бушующий речной поток.

Рядом с окном я увидел сваленные в небольшую кучу старые на немецком языке книги, журналы, газеты. В этой “мукулатуре” мое внимание привлекла обложка одной из книг, на которой была фотография старика с пронизывающим острым взглядом глубоко посаженных глаз... Мне показалось, что на меня с презрением смотрит призрак бывшего хозяина этого старого дома.

Стряхнув с книги пыль, я прочитал : «*Rene Fulop-Milltr " Der heilige Teufel-Rasputin und Frauen "*, Leipzig, 1927.» (“Святой демон, Распутин и женщины...”).

Я шел туда, где Солнца нет ...

В январе 1955 г. из камеральной партии меня в должности инженера-геолога перевели на шахту № 250, которая в это время отрабатывала крупное месторождение урановых руд Нидершлема - Альберода. В первый день моего прихода на новое место старший геолог шахты рассказал, что наши геологи (техники, инженеры) занимаются в основном производственными делами : следят за полной отработкой рудных жил, помогают горнякам находить смещенные по разломам их фрагменты , документируют выявленные при поисково-разведочных подземных работах новые рудоносные жилы, участвуют в подсчете запасов радиоактивных руд.

Перед первым спуском в шахту участковый геолог Владимир показал на маркшейдерских планах места, где ведется отработка богатых ураном жил и назвал номера блоков, которые мы в этот раз должны посмотреть. Я даже не мог поверить, что в этой паутине подземных лабиринтов что-то можно найти.

В бытовом помещении шахты я надел на себя темного цвета костюм, куртку и брюки из прорезиненной ткани, тяжелые резиновые сапоги, широкий ремень с аккумулятором и пластмассовую каску с фонарем, а геологический молоток с железной ручкой мы взяли один на двоих.

До этого я никогда не спускаться в глубокие шахты и мне казалось, что мы вместе с немецкими горняками погружаемся в царство Аида, где меня поджарят на радиоактивных лучах. Кабина при движении покачивалась, вздрагивала и я со страхом думал: « А что будет с нами, если стальной канат оборвется и мы полетим с известным ускорением до забоя шахтного ствола ? » .

Выйдя из клетки в рудничный двор, я спросил у Владимира : « А были ли случаи обрывы троса?» Он ответил, что над клетью есть специальное устройство - “ парашют”, которое в таких случаях ее падение мгновенно остановит.

С включенными на касках лампами Владимир повел меня по темному тоннелю и просил внимательно смотреть под ноги. В первые минуты мне казалось, что мы идем по подземной дороге к библейскому аду: на стенках квершлага висели вентиляционные трубы, шипящие шланги и толстые кабели, над головой - оголенные троллейные провода и я с опаской смотрел на них, боясь коснуться пластиковой каской.

Из темноты доносился грохот отбойных молотков, скрежет погрузочных машин. Увидев впереди движущийся яркий луч света, мы прижимались к холодной стенке квершлага, чтобы пропустить идущий на большой скорости электровоз с вагонетками, наполненными горной породой. Несколько раз я ударялся каской о выступы труб и спотыкался о деревянные шпалы и ржавые рельсы. Мне казалось, что этой дороге нет конца и со страхом думал о том, что мне придется по ней ходить каждый день.

Немецкие горнорабочие при встрече с нами произносили всего одно слово –“ Gluk auf !”. Мне рассказали, что оно означает пожелание невредимым выйти

на поверхность. По легенде, ее впервые произнесла жена короля Саксонии Генриха 1V (1056-1106) при его спуске в одну из шахт.

- Вот и наш штрек, - сказал Владимир, показывая лучом света на узкую выработку, отходившую от квершлага. Пройдя несколько метров, мы остановились. Откуда-то сверху доносились отрывистые звуки работающего отбойного молотка.

- Посмотрим, что делают наши друзья в этом блоке?- сказал Владимир и показал на мокрую лестницу, по которой нам предстояло подниматься. Он меня предупредил, что скользкие ступеньки могут быть сломаны и нужно не забывать об этом при подъеме и спуске. Хватаясь голыми руками за грязные перекладки, я старался при подъеме вверх не отстать от моего товарища.

Вскоре Володя резко повернул направо и я, стараясь не отстать от него, дошел по узкому лазу до места, откуда слышалось ритмичное урчание отбойного пневматического молотка. Увидев нас, рабочие, отключив шипящие буровые агрегаты, поздоровались: "Gluk auf!"

Я обратил внимание на железные ящики, наполненных темной "сажистой" массой и блестящими мелкими обломками, похожими на антрацит.

Володя рассказал, что в ящике находится очень богатая руда, состоящая преимущественно из "урановой смолки" и "урановых черней".

На следующий день мы вновь спустились в шахту, но уже на более глубокий горизонт, где велась отработка нескольких ураноносных жил. При выходе из клетки я почувствовал какой-то "печной" запах теплого воздуха. На этот раз квершлаг, по которому мы шли, практически был сухим и мне казалось, что где-то стоит большой калорифер и просушивает эту выработку.

Нам навстречу шли шахтеры с распахнутыми полами курток, в кожаных промасленных шортах и в резиновых сапогах.

У меня было желание сбросить с себя всю одежду и бежать босиком к прохладному "оазису". Позже я узнал, что на этой глубине температура достигала + 65° С.

Володя мне рассказал, что такая температура в шахтах связана с высоким содержанием в породах серного колчедана (пирита), который при поступлении в шахту свежего воздуха окисляется с выделением тепла.

За относительно короткое время я привык к "подземелью": спускался в шахту в легком костюме и без прежнего страха поднимался по крутым скользким лестницам в работающие блоки. Меня не пугали даже опасные места, которые приходилось переползать на "четвереньках". В основном это были участки выработок, закрепленные когда-то сплошной деревянной крепью и раздавленной проседавшими горными породами.

Печальная весть...

В конце июля 1955 г я вернулся из отпуска и узнал печальную весть: на соседней шахте № 208 был пожар, погибли 33 немецких горняка и наш товарищ М.А. Малявка, которого я хорошо знал. Он был высокого роста, общителен,

элегантен и всегда с улыбкой выслушивал в свой адрес шутки Юры Зубкова, который ему иногда говорил : «Марк, ты перерос свою фамилию! »

Мои товарищи говорили , что в шахте погибли в основном горноспасатели, которые во время последних тренировок удалили из противогазов (респираторов) резиновые клапаны и без них в первые минуты пожара отравились угарным газом, а Марк спустился в шахту даже без противогаза.

В город Иоганна Георга 1 ...

В начале октября 1955 г. меня вызвали в отдел кадров А.О “Висмут” и после короткой беседы направили работать в Иоганнгеоргенштадт. Я до сих пор не могу найти для себя объяснения причины такого неожиданного перевода на новое место. Не исключено, что для приехавшего в Ауэ с молодой женой и маленьким ребенком геофизика Г.А. Недоступа нужно было освободить квартиру, в которой я жил один после отъезда в Союз Ю.В.Зубкова.

Сотрудник отдела кадров объекта № 9 на автомашине довез меня до Управления объекта № 1, начальником которого в это время был И.А. Панов, главным геологом – Г.В.Горшков, главным инженером – В.И.Попов. Из краткого разговора с Г.В. Горшковым я узнал, что меня направляют работать на шахту № 279 в должности инженера - геолога.

В трехкомнатной квартире общежития, куда меня поселили, жили И.Л. Овчаренко, работавший в ОТК шахты № 1, и Е.И. Карасев - инженер отдела буровых работ. В этом общежитии жили также мои сокурсники: Е. А. Кондауров, Н.В. Глухоедов, Н.М.Бородин, В.М.Митрофанов, М.В. Дмитриев, Е.Н..Долотцев, а также ребята, с которыми я общался в Ауэ при их приезде на соревнования по волейболу, футболу, настольному теннису - И.В.Вяткин, Г.Ф. Шумков, В.Н. Рождественский, Б.П. Худяков, В.Н Вязовой, И. Л. Лукьянчиков, В.Е.Кнапп и др.

Wer wird bezahlen?

От Г.А. Каргополова я узнал, что шахта № 279 находится в горной местности, на границе с Чехословакией и туда каждый день вместе с немецкими горняками придется добираться на служебном автобусе.

Он также сообщил, что в ближайшее время шахту планируется закрыть и для этого уже готовятся соответствующие обоснования, в том числе разрешение на отработку жил в охранном целике ее ствола.

Зимой автобус с трудом поднимался на крутые склоны и нам иногда приходилось его толкать вверх, глотая едкий запах выхлопных газов. Как правило, его подталкивали в основном советские сотрудники, а немецкие в это время доставали из портфелей бутерброды и, как говорится, уплетали их с треском за ушами... Кто-то из нас призывал немцев к совести, но они с ухмылкой спрашивали : - Wer wird bezahlen? (“Кто будет платить?”).

Однажды один горный мастер (штайгер) спросил: «Почему я не беру в шахту “frühstück” (завтрак) ?» . Я ответил, что перед уходом на работу я завтракаю, а после возвращения - обедаю. Он улыбнулся и сказал : « Wie das Pferd » (“Как лошадь...”). Я знал, что на это ответить, но не хотел его обидеть.

Граница без замка

В этом месте граница между ГДР и Чехословакией проходила в нескольких метрах от территории шахты. Иногда во время игры в волейбол мяч от наших ребят залетал на чешскую сторону, а пограничники его быстро возвращали нашим игрокам.

В праздничные дни меня, как правило, отправляли на шахту дежурить. Однажды ночью, сидя в мягком кресле в дремотном состоянии, услышал звуки автоматной очереди и немедленно сообщил об этом по телефону дежурному по объекту. Вскоре на машине с собакой приехали немецкие полицейские, прошли вокруг огороженной колючей проволокой территорию шахты, но ничего подозрительного не нашли, а стрелять, по их словам, могли чешские пограничники.

Были случаи, когда мы приезжали на работу и нам дежурный немецкий полицейский клал на стол большую пачку листовок, которые он утром собрал на территории шахты. В них были фотографии наших соотечественников, перебежавших в ФРГ и рассказывающих о “райской” жизни в этой стране.

Первая на первом ...

После нескольких месяцев работы на этом небольшом руднике меня направили трудиться на шахту №1 (“Фришглюк”), которая была одной из крупных на первом объекте. Как известно, американцы вывели свои войска из этого района в июле 1945 г, а советские, согласно договору, вошли в него и уже в сентябре была создана геологоразведочная партия с адресом: “Полевая почта № 27304”, на который нам писали из Союза письма родители и знакомые.

А. Г. Натаров. Шахта № 1, объект № 1 (1957)

Шахта находилась недалеко от общежития и все ее постройки и терриконы были хорошо видны из окна нашей квартиры. Начальником шахты в это время работал А.А. Мягков, старшим геологом Ю.Ф. Широков. Вместе с нашими специалистами (геологами, геофизиками, контролерами ОТК) здесь работали также и немецкие геологи; некоторые из них учились заочно во Фрайбергской горной академии и понимали русский язык.

Я до сих пор вспоминаю одного из них - Хайнца Шлыка, который до войны был “летающим лыжником” и помнил фамилии советских спортсменов, с которыми

ему приходилось соревноваться по прыжкам с трамплинов, а во время войны - летал на бомбардировщике и сбрасывал бомбы на Смоленск.

Вам руда, а нам - деньги !

В период моей работы в А.О.“Висмут” на рудниках трудились только наемные немецкие рабочие. Большинство из них в погоне за большой зарплатой предпочитали трудиться даже в забоях, где радиоактивность достигала очень высоких уровней. В этих местах у меня, как правило, начинала болеть голова и, казалось, что её пронизывают тонкие серебряные нити. Такое ощущение, вероятно, было связано не только с радиацией, но и с моим психологическим настроением при виде похожих на уголь урановых руд.

В таких блоках шахтеры, отработав два часа, спускались по восстающим в штрек, курили и ели бутерброды, запивая из термосов кофейной водой, а им на смену поднимались “отдохнувшие” их товарищи и продолжали также два часа “пиковать” богатую ураном руду.

Кто-то из наших геологов рассказывал, что до моего прихода на шахту из одной жилы был вырублен большой штуф урановой смолки и отправлен на ВДНХ в павильон “Геология”.

Оплата за добытую в блоках руду производилась после ее доставки в железных ящиках на поверхность и оценки качества и количества нашими специалистами. По их запискам, которые немцы называли “zettel”, горняки в этот же день в кассе получали немецкие марки.

Радиоактивную руду, как правило, низкого качества в ОТК приносили также рабочие, не имеющих прямого отношения к работам в рудных забоях. Они выносили ее в карманах одежды, пробных мешочках и даже в грязных рукавицах. При этом приемщики из ОТК не спрашивали, где они взяли этот радиоактивный мусор. Были случаи, когда сотрудники горного надзора в охранных целиках стволов шахт обнаруживали узкие щели – следы “первобытных” способов добычи радиоактивной руды.

Шахтерская горькая доля...

Однажды я возвращался из шахты по штольне, которая на небольшой глубине проходила под нашим домом, пол в квартирах от грохота работающих механизмов постоянно дрожал.

В нескольких метрах от меня из штрека в штольню вышел человек с рельсом на плече и направился к ее выходу. Услышав за спиной грохот электровоза, я прижался к стенке выработки. Когда состав из нагруженных породой вагонеток с грохотом промчался мимо меня, я не увидел на последней красного сигнального огня... Но не успел я сойти на рельсы, как услышал стук колес и еще плотнее прижался к холодной стенке штольни. Через несколько секунд мимо меня прокатилась с красным фонарем тяжелая вагонетка. Я начал громко кричать, стучать по трубам молотком, рассчитывая, что идущий по рельсам рабочий услышит и сойдет с них в безопасное место...

При выходе из штольни, я увидел лежащего на тележке с включенной на каске лампой мертвого шахтера. Стоявшие около него рабочие рассказали, что их товарищ шел по штольне и его настигла отцепившаяся от состава вагонетка и он погиб, прижатый к стенке рельсом, который он нес на плече.

На шахтах нашего объекта работали в основном немецкие радиометристы. Приборы им выдавали под расписку утром и принимали в конце рабочего дня, обращая внимание в первую очередь на сохранность свинцовых пломб. Геофизики об этих строгостях знали и во всех случаях старались их оберегать.

Был случай, когда в блоке под ногами молодого геофизика неожиданно обрушилась отбитая горня масса и он оказался затянутым в каменную воронку.

Услышав крик о помощи, работавшие в забое горняки быстро спустились в штрек, открыли задвижки люков рудоспусков и руками начали выгребать каменистую массу. Когда они извлекли из люка полуживого геофизика, он открыл глаза и спросил: «А где мой радиометр?»

Лучи на память

Однажды в ночное время мне пришлось дежурить на шахте. Я сидел в кабинете начальника и дремал. Неожиданно с контрольно-пропускного пункта (КПП) зазвонил телефон, я поднял трубку и услышал:

- Докладывает сержант Грибов. Нами задержан немецкий рабочий Людвиг Хуго. Он пытался в кармане куртки пронести кусок радиоактивной руды. Прошу поставить в известность об этом руководство объекта.

В соответствии с существующей инструкцией, я позвонил главному инженеру нашего объекта В.И Попову. Он, судя по голосу, в это время спал. Я перед ним извинился и передал сообщение дежурного сержанта с КПП и спросил: «Что мне в этом случае делать?».

- А сколько тонн руды этот немец хотел пронести? – спросил с юмором Василий Иванович. Я ответил, что у него радиометристы обнаружили в кармане куртки только небольшой кусок.

- Скажи от моего имени сержанту, чтобы не задерживал немца. Пусть несет этот сувенир себе на память, - сказал главный инженер и положил трубку.

Эхо венгерских событий

О начале вооруженного восстания в Венгрии, которое, как известно, продолжалось с 23 октября по 9 ноября 1956 г., мы узнали утром перед выходом на работу. Обычно в это время с территории шахты из репродуктора слышалась легкая музыка, но в этот день до нас доносился только грохот работающего транспортера, а дежуривший у проходной немецкий полицейский приветствовал нас кивком головы. Если бы мы до этого не знали о мятеже, то можно было бы подумать, что в ГДР объявлен траур по случаю кончины видного партийного или государственного деятеля.

В одной из рабочих комнат я увидел группу немецких геологов, которые листали толстую газету и молча рассматривали фотоснимки. Я обратил внимание, что на их пиджаках и куртках не было значков, на которых указывался год вступления в Социалистическую единую партию Германии (SED) или в Союз свободной немецкой молодёжи (FDJ).

Кто-то из моих товарищей после работы в городе купил несколько толстых немецких газет, страницы которые были переполнены фотографиями обгоревших советских танков; толпы обезумевших венгерских мятежников, пинавших ногами подвешенного за ноги мужчину; лежавшего на асфальте мертвого человека, на груди которого был журнал «Коммунист», пронзенный штыком русской винтовки...

До нас доходили слухи, что в нашем городе в эти дни в школах учителя и учащиеся жгли на кострах учебники по русскому языку и книги русских и советских писателей, а в некоторых городах и поселках Германии в поддержку венгерских мятежников проходили многолюдные митинги.

В один из таких дней, когда “в воздухе запахло грозой”, в нашей квартире собралась небольшая компания ребят, которая до полуночи за веселым дружеским ужином горячо обсуждала только венгерские события. При этом фантазия участников этой встречи доходила до самых абсурдных планов самообороны в случае нападения на нас “нечистой силы”. Я говорил, что буду на головы нападающих бросать запасные части к мотоциклу, которые Иван Овчаренко собирает во время очередного отпуска увезти в Киев. В ответ владелец этого “металлолома” схватил мой баян и продемонстрировал захмелевшим друзьям, как он будет выбрасывать его из окна. Я ему в шутку подсказал, чтобы он еще не забыл про мой с красками мольберт.

О нашем веселом ужине и “прожектах” самообороны стало известно руководству объекта и на следующий день нашу компанию вызвали в кабинет его начальника И.В. Панова, который, не стесняясь в выражениях, говорил:

- Чертовы перестарки, жениться не хотите, много пьете и от этого у вас появляются бредовые мысли о самообороне. Вы думаете, что мы не предпримем никаких мер в этом направлении? Зарубите себе на носу: в случае малейшей опасности все советские сотрудники объекта будут немедленно переправлены в Чехословакию! А если вы будете устраивать подобные сборища, я вас всех в 24 часа отправлю в Союз!

По дороге в общежитие кто-то из наших ребят сказал: «Нашел, чем пугать - Союзом!».

Я до сих пор помню забавный эпизод, который произошел во время венгерского мятежа на одной из шахт нашего объекта. О нем знали и рассказывали в разных вариантах не только советские сотрудники, но и немецкие горняки. Я этот случай записал и он в моих архивах хранится с названием “Портрет фюрера”, который в сокращенном виде приводится ниже...

«... Полковнику отдела режима и порядка объекта В.И.Пугачеву позвонил немецкий горноспасатель Гюнтер и сообщил, что в шахте №... он видел группу

горняков, которые не работают, а обсуждают венгерские события, а на стенке квершлага висит большой портрет Гитлера.

В шахту спустились Пугачев, Гюнтер и переводчик Вилли, который в последние годы активно сотрудничал с руководством отдела режима и порядка.

- Gluck auf! – поприветствовал Пугачев горняков, сидевших на камнях и евших бутерброды. при тусклом свете шахтерских ламп.

-Gluck auf! – ответили лениво шахтеры.

-Где портрет Гитлера? – спросил громко Пугачев. Вилли перевел на немецкий...

-Гитлер капут! – пошутил кто-то из горняков.

- Вилли, переведи этим “комрадам”, если они не отдадут портрет фюрера, им будет капут! – сказал Пугачев.

Машинист включил фару электровоза и яркий луч осветил забой и стенку квершлага, на которой висел портрет... Гюнтер быстро снял его с металлического штыря и передал полковнику.

- Это портрет не Гитлера, а Вальтера Ульбрихта! Вот читайте внизу, где немецкими буквами четко написано. Надо же, стервец Гюнтер перепутал Гитлера с товарищем Ульбрихтом! – сказал раздраженно Пугачев и, не сказав на прощание “Gluck auf!”, быстро пошел по темному квершладу к подъемному стволу шахты ».

В первых числах ноября 1956 г., всем военнообязанным мужчинам нашего объекта было приказано явиться в назначенное время в воинскую часть, которая находилась недалеко от нашего общежития. В этот день моросил мелкий со снегом дождь, я себя чувствовал не очень хорошо - врачи выявили у меня поясничный радикулит. Группу вывели на полигон... Сержант объявил, что мы будем по очереди стрелять из автомата Калашникова по мишеням, которые стояли в нескольких метрах от ”огневого рубежа”...

Когда подошла моя очередь стрелять с положения лежа, я с трудом лег на грубый коврик, прицелился и три раза нажал на спусковой крючок. Корчась от боли в спине, я поднялся и стал около бетонного забора. Сержант подошел ко мне и в грубой форме приказал бежать к моей мишени и доложить о результатах стрельбы. Преодолевая боль, я медленно пошел к дрожащему от ветра листу фанеры, на котором был изображен “потенциальный” противник. Увидев мою медлительность, сержант начал в мой адрес выкрикивать грубые слова . Вернувшись на “исходную позицию”, я отрапортовал : - “ Товарищ сержант, все три пули попали в молоко! “.

“ Поди-ка, старуха, по коробу поскреби...”

Однажды начальник шахты А.А.Мягков пригласил в рабочий кабинет геологов, геофизиков и сказал, что план добычи шахтой руды в этом квартале находится под угрозой невыполнения, в связи с чем нами принято решение провести “субботник”, а геологам и геофизикам подготовить материалы с указанием мест, где могут быть не добытые в прошлом богатые “балансовые” руды.

Я до сих пор не могу забыть, как мы карабкались по скользким лестницам в восстающих, по деревянным распоркам в пустых блоках, ходили по верхнему шахтному горизонту, где в былые времена в старых выработках геофизики находили ржавые ящики, наполненные урановой рудой. Но в этот раз мы не нашли ни одного такого клада. Я не помню, где мы в этот раз наковыряли несколько килограммов радиоактивной массы, но удалось ли в результате этого аврального патриотического порыва улучшить плановые показатели работы шахты - для нас осталось "глубокой тайною".

Дрезден – Лейпциг – Бухенвальд...

За время работы в ГДР мне удалось с экскурсиями побывать в Дрездене, Лейпциге, Веймаре, Бухенвальде и на отдыхе в Обервизентале.

В Дрезден экскурсия была организована в основном для посещения Дрезденской галереи, куда из Москвы после реставрации привезли картины Рафаэля, Тициана, Рубенса, Леонардо да Винчи, Микельанджело, Рембрандта и др. Здесь в архитектурном комплексе "Цвингер" я впервые увидел "Сикстинскую мадонну" Рафаэля...

С тех пор пошло много лет, но в моей памяти всплывают не только шедевры живописи великих мастеров прошлого в архитектурном комплексе "Цвингер", но и руины "старого Дрездена" - результат варварских бомбардировок этого города англо-американскими союзниками в феврале 1945, где, по имеющимся сведениям, здесь за три дня погибло не менее 25 тыс. немецких жителей.

В Лейпциге экскурсовод нам напомнил, что "Битва народов" произошла около этого города в октябре 1813 г. и относится к числу крупнейших сражений в мировой истории. В битве Наполеон потерпел сокрушительное поражение. В этом сражении погибло около 110 тыс. солдат России, Австрии, Пруссии, Швеции. Воздвигнутый погибшим через сто лет памятник многих из нас поразила своей монументальностью.

В этом городе мы побывали в доме, где в 1933 г. проходил так называемый Лейпцигский судебный процесс над Георгием Димитровым., которого нацисты обвиняли в организации коммунистами поджога рейхстага. В большом зале сотрудники музея включили фонограмму его речи на суде и дали каждому из нас напечатанный на русском языке ее текст. В предисловии было сказано, что Г. Димитров выступал в свою защиту на немецком языке, который он выучил, находясь в одиночной камере, всего за три месяца,

По дороге в Бухенвальд мы заехали в г. Веймар, где, как известно, жили И.Бах, И.Гете, Ф. Шиллер, Ф.Лист, Ф. Ницше. За короткое время нам удалось посетить дом – музей Ф. Шиллера и постоять у памятника И.Гете и Ф. Шиллеру.

В этот же день мы приехали в Бухенвальд, где во время войны находился концентрационный лагерь. На меня это место произвело ужасное впечатление и нет никакого желания об этом вспоминать и, тем более, писать...

При выходе из одного барака экскурсовод остановился и показал место, где Э.Тельман выбросил свои именные часы, когда его вели на казнь. По ним было установлено место его гибели и поставлен бронзовый бюст.

Памятник Э.Тельману в Бухенвальде

В один из зимних дней была организована поездка в г. Обервизенталь, который, как известно, с давних пор был одним из лучших зимних курортов Германии. В этот день на заснеженных склонах было много лыжников. Мы с восхищением смотрели на молодых парней и девушек, которые на горных лыжах, бороздя на крутых виражах пушистый снег, стремительно мчались к подножью склона.

А.Г.Натаров (1), И.Н.Яловенко (2), Н.В.Широкова (3), Обервизенталь, 1957

Наша группа с беговыми лыжами на плечах медленно друг за другом поднималась на вершину невысокого холма и спускались, стараясь не упасть или не наехать из отдыхающих. Мне нравилось смотреть на покрытые пушистым снегом невысокие сосны. Они как куклы стояли на сцене театра в ожидании первых чарующих звуков мелодий П.И.Чайковского, чтобы закружатся в веселом хороводе.

“Если соседа нет...”

У меня было желание хотя бы один раз посмотреть Берлин и взглянуть на автографы советских солдат, оставленные на колоннах рейхстага. Однажды во время

я приехал в деревню в отпуск, мой отец, дошедший во время войны до Гамбурга, спросил: «А ты был в Берлине?». Я ответил, что туда пока не было экскурсии, но обещают ее организовать...

Однажды нам объявили, что поездка в этот город состоится, а записавшихся просили в назначенное время прийти в клуб, чтобы послушать информацию о правилах поведения участников во время экскурсии по этому городу.

На этом собрании пожилой сотрудник отдела режима и порядка объекта И. Зорин говорил, что за советскими специалистами охотятся спецслужбы иностранных разведок и стараются разными способами заманить в свои сети...

- При отъезде из Берлина следует убедиться, что в автобусе твой сосед находится рядом и ты чувствуешь его локоть, - говорил Иван Зорин.

Мне запомнилась, ставшими «крылатыми» для нас его слова: «Если соседа нет, значит, - его нет!».

Но в этот раз по каким-то причинам поехать в Берлин я не смог. После возвращения из поездки мои товарищи говорили, что эта экскурсия им не понравилась.

По их рассказам, в назначенное время отъезда из Берлина все сотрудники зашли в автобус и сели на свои места и только одно сиденье рядом с шофером было свободным...

Время шло, шофер нервно поглядывал на часы, а блюститель режима и порядка не появлялся. Никто не знал, где его в этом городе искать. Кто-то даже пошутил: - «Если соседа нет, значит – его нет!».

На другой день мы узнали, что руководитель поездки, передав группу экскурсоводу, навестил работающего в Берлине своего друга, но после этой встречи не мог найти стоянку экскурсионного автобуса. До нашего города его на машине довезли работники берлинской военной комендатуры.

Каждый раз, когда мы садились в служебный автобус, кто-то из наших юмористов громко произносил: «Если соседа нет, значит, – его нет!».

Во саду ли во городе...

В праздничные дни в нашем клубе выступали в основном самодеятельные артисты из воинской части. Вместе с ними на сцене демонстрировали свое мастерство и наши сотрудники. Я всегда с удовольствием слушал игру на аккордеоне нашего товарища В.И. Заварзина, который виртуозно исполнял карело-финскую польку композитора Б. Тихонова.

В школьные годы я научился играть на балалайке несколько песен военных лет, используя при этом все пальцы левой руки и весь гриф этого инструмента. Узнав о моем “таланте”, руководитель струнного кружка предложил мне играть в нем на балалайке.

Когда я пришел на первое для меня занятие он мне сказал, что они уже несколько дней разучивают народную песню “Во саду ли во городе” и показал на моей балалайке всего два аккорда - “ниста – ниста”, которые я должен поочередно повторять... Когда завибрировал медиатор домры, забренчала шестиструнная гитара и включились в эту какофонию мои аккорды, у меня уже больше не было желания приходить на эти репетиции.

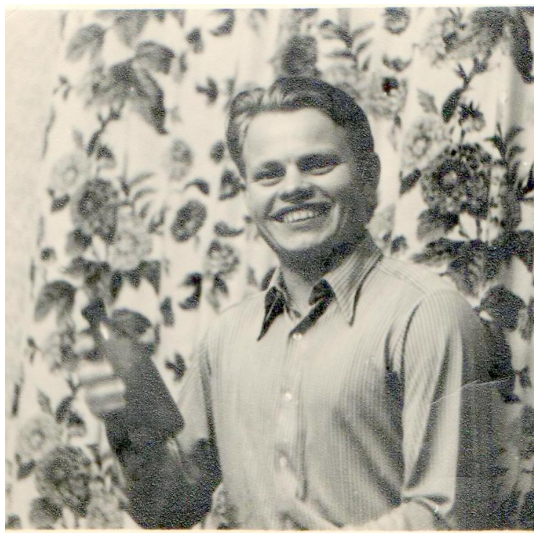
Работники клуба старались приобщить меня также к участию в самодеятельном хоре, но я от этого открещивался обеими руками, вспоминая мое “пение” в хоре во время работы в Ауэ.

В нашем клубе мы репетировали около двух месяцев одну и ту же песню, где были слова: «Партия наша, слава столетий, клятвой великой клянемся тебе...». Руководитель хора геофизик Леонид Хомчик постоянно упрекал меня в том, что я во время пения слушаю только себя и пою то первым, то вторым голосом. Мне надоело слушать эти упреки, обиделся и не пошел на генеральную репетицию, а хор в Карл – Маркс- Штате без меня славил “руководящую и направляющую силу советского народа “. Прошло много лет, но в моей голове иногда звучат слова ее припева : «Партия, народ всегда с тобой ... ».

Велосипед и граната...

На первом объекте многие наши сотрудники хорошо играли в волейбол, футбол, настольный теннис, городки , занимались ездой на велосипедах и нередко выезжали на другие объекты. Я не помню, какие командные места они занимали на соревнованиях по четырем перечисленным видам, но вспоминаю случай , когда мой сокурсник по техникуму Василий Митрофанов неожиданно занял первое место по велосипедным гонкам.

Соревнования проходили в районе г. Карл-Маркс-Штадт, куда приехали спортсмены с многих предприятий А.О. “Висмут” на легких спортивных велосипедах и только Василий – на тяжелом “внедорожнике” фирмы « Diamant ». Трасса проходила по асфальтированной дороге с многими подъемами и спусками. По рассказам Василия, на понижениях (уклонах) он так раскручивал массивные колеса своего “железного коня”, что он выносил его по инерции на подъемы, оставляя позади группу соперников, едущих на изящных машинах.

В.М. Митрофанов, Иоганнгеоргенштадт, 1957

После возвращения в Советский Союз Василий Митрофанов работал геологом на одном из урановых рудников Казахстана и в 70-е годы погиб от рук уголовников.

В один из праздничных дней на стадионе нашего объекта проводились соревнования по бегу, прыжкам в длину и высоту, городкам и метанию гранаты.

Рядом со мной на деревянной скамейке дремал инженер отдела нормирования работ Л.Г.Ткачев. Услышав объявляемые диктором результаты по метанию гранаты, он встал со своего места, подошел к организаторам соревнований и попросил “вне конкурса” разрешить ему хотя бы один раз метнуть эту “болванку”. Получив согласие, нормировщик швырнул этот железный цилиндр так далеко, что судьям пришлось его в траве долго искать. На трибунах раздались громкие аплодисменты, а Леонид Георгиевич вернулся на свое место и, надвинув на глаза шляпу, продолжил дремать.

Вечер дружбы - “Freundschaft”

На наших объектах часто организовывались вечера дружбы советских специалистов с немецкими партийными, комсомольскими и профсоюзными работниками. Эти встречи для краткости называли “Freundschaft”. При разговорах можно было слышать: - А ты был вчера на Freundschaft ?

В больших залах клубов заранее ставили круглые столы, за которые организаторы этих мероприятий старались посадить вместе советских и немецких сотрудников. Как правило, на эти встречи немецкие мужчины приходили с женами и взрослыми детьми

В конце зала работал буфет, где продавались немецкое пиво и “коньяк” марки “Weinbrandt”, русская водка “Столичная”, минеральная вода “Brombach”, сосиски и бутерброды. Немецкие официантки от каждого стола брали заказы и быстро обслуживали. Мне запомнился один из таких вечеров, который проходил в нашем клубе в г. Ауэ.

На эту дружескую встречу я пришел вместе с Юрой Хилем, который уже год работал геологом на одной из шахт и прилично говорил на немецком языке. В этот вечер он был одет в кожаную с погонами куртку и был похож на типичного немца.

Мы сели за свободный стол и решали, с каких напитков начать это мероприятие. В это время к нашему столу подошла немецкая семья из трех человек, главу которого я знал по работе на шахте. Он неплохо говорил по-русски. Юра решил, что за небольшим столом нам всем будет тесно и пошел к другому, где сидел средних лет мужчина, приехавший недавно работать на нашем объекте.

Когда Юра подошел к столу, солидный мужчина в черном двубортном костюме с широким галстуком встал и первым протянул ему пухлую руку и представился: «Коротков Сергей Федорович». В ответ он услышал: «Юрий Хиль!» Коротков подумал, что к нему подошел немецкий товарищ и сразу попытался что-то заказать из буфета, но официантка только пожимала плечами, вопросительно поглядывая на улыбающегося «немца». Юрий на немецком языке пояснил девушке, что хотел сказать этот «комрад». Коротков за помощь пожал «немцу» руку и сказал: «Спасибо, товарищ Хиль!». И каждый раз, поднимая рюмку с коньяком, он повторял: «Будь здоров, товарищ Хиль!» В ответ «немец» произносил: «Zum Wohl, genosse Korotkov, Freundschaft!». Коротков попытался повторить это слово, но так и не смог правильно его произнести.

Зал вскоре наполнился звоном пивных кружек, дымом сигарет, громким смехом немецких друзей и тостами: «Дружба!», Freundschaft!

На сцене клуба появлялись какие-то комические персонажи, о чем-то болтали, кувыркались, пинали друг друга по мягким местам ногами, вызывая у захмелевшей публики хохот. Неожиданно из-за занавеса в зал выбежала в шляпах с перьями группа мужчин и, бегая в проходах между столами, громко выкрикивала какие-то смешные слова, что у немцев вызывало до слез хохот. А когда они построились в одну шеренгу и обнажили по команде до колен кривые волосатые ноги, зал взорвался от этого номера.

Веселый вечер дружбы близился к концу, буфет готовился к закрытию. Когда захмелевший Сергей Федорович собрался выйти из зала, к нему подошел сотрудник отдела режима и порядка и спросил:

- Вам понравился вечер дружбы, товарищ Коротков?

- Мне очень приятно было общаться с молодым немецким другом, который хорошо говорит по-русски, - ответил Сергей Федорович, показывая на Юру Хиля. Сотрудник секретной службы улыбнулся и сказал:

- Да, Юрий Хиль - хороший парень и чувства юмора у него не отнять, ведь он земляк писателя Гоголя и работает на шахте геологом...

“Нужен глаз да глаз...”

В годы моей работы в Рудных горах мне никогда не приходило в голову желание знать, как организована охрана горнодобывающих и перерабатывающих предприятий на наших объектах.. Всем было известно, что в Иоганнсгеоргенштадте

располагалась воинская часть, солдаты которой работали на радиометрических контрольных станциях (РКС) и на проходных на территорию шахт. В праздничные дни в клуб приходили офицеры с женами и вместе с нами смотрели концерты самодеятельных или приехавших из Союза профессиональных артистов. Я никогда не видел, чтобы наши военнослужащие патрулировали городские улицы, ходили по территории шахты, или около нашего общежития.

Перед каждой поездкой в отпуск в отделе кадров нам выдавали справки о том, что мы находимся на службе в войсковой части № 58157 и напоминали о необходимости регистрации в военкоматах по месту проведения отдыха.

За нами, молодыми специалистами, пристально следили сотрудники отдела режима и порядка, а также партийные и комсомольские функционеры. Нам постоянно напоминали, что в город разрешается ходить в светлое время дня и только втроем, не посещать рестораны, кинотеатры и другие увеселительные заведения, не обращать внимание на слова молодых девушек “komm mit mir” (“пойдем со мной“). Блюстители порядка не только угрожали высылкой в Союз, но, как правило, их выполняли.

Однажды до нас дошли слухи, что в этот отдел вызвали Мишу Зукоева и спросили, куда он ездит на велосипеде и с кем встречается?. Темпераментный осетин ответил, что он тренируется и ничего кроме дороги не видит. Сотрудник отдела, которого я хорошо знал, достал из ящика стола несколько фотографий и спросил: «А это вы, товарищ Зукоев, тоже тренируетесь?». На следующий день любитель велосипедных прогулок был отправлен в солнечную Осетию.

Как уже упоминалось выше, возвратившись однажды с работы в нашу квартиру, я увидел своего товарища Юру Зубкова, укладывающего вещи в чемоданы.

- Тебя переводят на другой объект? – спросил я.
- Если бы на другой, срочно отправляют в Союз, - ответил он.

Утром со слезами на глазах я провожал его до машины, которая повезла его в Карл-Маркс-Штадт...

Цветы в безмолвной тишине...

За три или четыре месяца до окончания моей командировки в ГДР главный геолог объекта № 1 М. И. Минькин пригласил геологов в свой кабинет и объявил, что пришло время приступить к составлению геологических карт верхних горизонтов шахтных полей, где в прошлые годы по разным причинам такие работы не проводились. Когда речь зашла о методике работ, то он сказал, что из каждой выработки надо через 10-15 метров отбирать образцы пород, раскладывать их в пустующих помещениях в соответствии с маркшейдерскими планами и при дневном освещении с помощью петрографов делать их описание и строить по этим данным геологические карты, планы и т.д.

Уже в первые дни стало понятно, что эту задачу решить практически невозможно. На горизонтах, где работы не проводились уже несколько лет, не было вентиляции, в квершлагах и штреках в безмолвной тишине стояли покрытые серой пылью и плесенью электровозы и нагруженные породой вагонетки, лежали детали больших вентиляторов, ржавые железные ящики, обрывки вентиляционных труб. Сплошная деревянная крепь была смята и пробираться сквозь эти места приходилось с большим трудом, а, тем более, отбирать образцы горных пород.

В одном из штреков я обратил внимание на сквозные вертикальные отверстия, “просверленные” в ржавых рельсах падающими из люка рудоспуска каплями воды с неприятным сероводородным запахом. Гидрогеологи говорили, что эти воды содержат свободную серную кислоту и очень агрессивны по отношению к металлическим конструкциям.

В старых выработках мне всегда нравилось смотреть на так называемые “никелевые и кобальтовые цветы”, которые в луче шахтерской лампы казались смелыми мазками художников - модернистов. Такие нерукотворные “букеты”, как известно, образуются в результате окисления содержащихся в жилах минералов никеля, кобальта, висмута и др. Немецкие геологи такие жилы называли жилами “бикони” (Bi-Co-Ni), которые отличались от ураноносных не только по минеральному составу, но и по ориентировке в пространстве.

За короткое время пустующие помещения шахты были заполнены образцами горных пород, но до отъезда многих геологов в Союз к ним по разным причинам так и “не дошли руки”.

Лучи, кругом лучи !

В период моей работы в А.О. “Висмут” наши и приезжие пропагандисты читали лекции о ведущей роли КПСС при строительстве светлого будущего, о международном коммунистическом движении и так далее, но при этом я никогда не слышал ни одного слова о вреде радиации на здоровье человека и способах от нее защиты.

Как известно, основными источниками радиации в Рудных горах были урановые руды в недрах и в складских помещениях, концентраты на обогатительных фабриках, отстойники вод этих предприятий, отвалы “пустых” горных пород и т.д.

Выше отмечалось, что в шахты мы спускались в обычной хлопчатобумажной одежде, резиновых сапогах, в пластмассовой каске на голове, которые, естественно, не могли защитить организм от жесткого гамма-излучения.

Я никогда не забуду экскурсию на обогатительную фабрику в г. Ауэ. До этого я никогда не был на таких предприятиях и не представлял процесс обогащения урановых руд.

Когда мы пришли на эту фабрику, я увидел несколько агрегатов и механизмов, которые крутились, дергались и грохотали. Нас подвели к одному из них и сказали, что этот механизм назывался вибрационным столом. Из бункера на качающуюся площадку сыпался темно-серый песок и какие-то непонятные для меня силы заставляли темные песчинки двигаться в одну коробку, а светлые – в другую. Нам объяснили, что темный песок – это концентрат, состоящий преимущественно из урановой смолки.

Около этого стола в платках и марлевых повязках сустились русские женщины. Черный порошок они сыпали в небольшие картонные бочки, закрывали крышками и грузил в товарные вагоны, стенки которых были пробитыми с внутренней стороны длинными гвоздями и они были похожи на огромных ежей. Составы из таких “ежей” отправлялись в сопровождении наших солдат в Советский Союз.

Рядом с обогатительной фабрикой находился пруд-отстойник, в котором в жаркие дни нам нравилось плавать на бревнах и даже купаться. В то время о последствиях таких процедур никто из нас, к сожалению, не задумывался.

Во время очередного отпуска старшего геолога шахты Ю. Широкого мне пришлось выполнять его производственные обязанности. Утром в рабочий кабинет я приходил в бодром состоянии, но уже к середине дня у меня начинала болеть голова и клонило ко сну. Об этом я рассказал старшему геофизику шахты, он пришел в кабинет с радиометром и обнаружил, что “снотворные” лучи исходили от железного сейфа, стоящего за моей спиной. Открыв этот железный ящик, мы увидели полку, на которой лежали цветные образцы окисленных урановых руд. Когда геофизик поднес к ним датчик радиометра, в наушниках послышался такой сильный треск и он быстро отключил прибор.

Эту каменную “экзотику” мы передали работникам ОТК шахты. Вернувшись из отпуска, Юра Широков долго упрекал меня за выброс из сейфа музейных образцов урановых руд.

За подсчетом запасов металла № 1,1957

Когда я своим знакомым говорил, что три года в Германии работал на урановых рудниках, многие из них этому не очень-то и верили. Ведь в сознании простых людей сложилось представление, что в этом “пекле дьявола” работают только осужденные на большие сроки преступники.

- А за какие уголовные преступления тебя, Алексей, упекли на три года на эти рудники? – спрашивали они.

Мне и моим коллегам из разных источников было известно, что в Чехословакии на урановых рудниках г. Яхимова работало несколько тысяч немецких пленных, уголовных и политических заключенных, в том числе осужденных по “делу Рудольфа Сланского”.

До нас доходили слухи, что в районе этого города есть место, которое называется “Долина вдов”, где работающие на урановых предприятиях мужчины умирали в раннем возрасте и молодые женщины оставались вдовами. Об этом мне рассказывал также мой земляк и товарищ по учебе в техникуме Борис Котельников, который четыре года работал геологом в этой стране.

Иоганн Георг 1 переезжает...

В начале июня 1957 г. меня вызвали в отдел кадров объекта и объявили, что срок моей командировки закончился и надо готовиться к отъезду в Союз.

Возвращаясь в общежитие через разрушенный центр города, я увидел, как к трактору рабочие привязывают стальным тросом лежащую около постаменту бронзовую фигуру курфюрста Саксонии Иоганна Георга 1 (1585-1656).

Не прошло и нескольких минут, как трактор потащил ее по каменистой дороге куда-то на новое место.

Памятник Иоганну Георгу 1

В результате подземных работ многие старинные постройки других городов (Шнееберга, Обершлемы) были практически разрушены. Попытка сохранить от полного разрушения этих городов методом закладки пустых пространств не дали положительных результатов. Не сохранил свой первоначальный архитектурный вид и наш клуб. За несколько месяцев до моего отъезда начал вспучиваться красивый паркетный пол, на стенах появились большие трещины, начала осыпаться с потолка штукатурка и вскоре его закрыли как аварийный объект.

А.Натаров (третий слева) с товарищами накануне отъезда в Москву, июнь 1957

Накануне отъезда в Москву мне выдали трудовую книжку, в которой, как уже отмечалось выше, была всего одна запись за трехлетнюю работу в А.О “Висмут” : “Благодарность за активное участие в подсчете запасов и оформление материалов отчета “

Но для меня самым ценным подарком до сих пор является маленькая деревянная скульптура оленя, подаренная перед отъездом заведующей нашим клубом. Она стоит на моем письменном столе и напоминает о безвозвратно ушедших молодых годах, проведенных в лучах Рудных гор.

В 1962 г. я окончил Московский геологоразведочный институт им. С. Орджоникидзе (МГРИ) по специальности “разведка месторождений радиоактивных элементов” (РМРЭ). Лекции нам читали и проводили практические занятия известные в стране ученые : А.А. Якжин, А.И.Тугаринов , А.С. Сердюкова, В. М. Григорьев, Л.В Горбушина, Д.Ф. Зимин, П.С. Саакян, В.Н.Павлинов, Д.С. Соколов, В.М. Муратов, Е.В.Шанцер, В.А.Галюк и др. Мне было известно, что доцент кафедры ядерно-радиометрических методов нашего института Даниил Федорович Зимин работал в “Висмуте“, но я не знал , что он - лауреат Сталинской премии, присвоенной ему в 1949 г. за разведку первых урановых месторождений в Рудных горах.

После окончания вуза мной пройдено немало дорог в горах Приморья, Кавказа, Болгарии, Югославии, в таежных дебрях Иркутской области, в степях Казахстана и Монголии, в джунглях Венесуэлы, в стране дымящихся вулканов - Никарагуа.

Вспоминая пройденный геологический путь, я благодарю судьбу, за то, что она в самом его начале подарила мне Рудные горы и дала возможность увидеть в трехмерном пространстве геологическое строение уникальных урановых месторождений, а также организацию всех видов подземных горных работ при их освоении.

Полученный в А.О. “Висмут” опыт стал прочным фундаментом для моей многолетней научной работы не только на территории России, но и в перечисленных выше зарубежных странах.

А.Г. Натаров,
Кандидат геолого-минералогических наук
2017

